

н. э., а также определить место их изготовления. Разбор комплексов, среди которых были найдены сосуды (Турушевский клад, Усть-Кишертский клад), позволяет автору установить, что они попали в Прикамье сравнительно скоро после их изготовления,

высказать очень интересное предположение, что для константинопольского импорта в Прикамье имелись прямые пути через степные реки и волоки.

Чрезвычайно плодотворна мысль автора о том, что византийские (а также и иранские) композиции, попадая в Прикамье, получали осмысление из местной идеологии. Об этом свидетельствуют грубые местные рисунки, часто процарапанные изображения, нанесенные на привозных сосудах. Так, например, к изображению коня на одном из серебряных блюд, изданных в атласе «Восточное серебро», был пририсован всадник. Конечно, этот вопрос требует детальной разработки и выделения целого ряда образов, связанных с идеологией населения Прикамья в определенной эпоху.

Но Л. А. Мацулевич отмечает также, что было бы неправильно считать, что импорт в Прикамье византийских сосудов проходил бесследно, что даже верхушка общества относилась к художественной стороне их безразлично. Кроме сосудов, предметом торговли были пояса, пряжки, бляшки и другие изделия, которые широким потоком вливались в Прикамье и, таким образом, местные племена, по его мнению, были уже достаточно подготовлены к освоению образцов более высоких культур. Последнее положение еще нуждается в дополнительных доказательствах.

Будем надеяться, что в ближайшем будущем начнется публикация неизданных археологических материалов по Уралу и Прикамью, причем в следующих томах желательна несколько иная группировка, чем в первом томе. Более показательной и интересной следует признать группировку материалов по отдельным районам этой обширной области, которые в силу тех или иных причин отличаются своеобразием своего исторического развития.

А. В. Збруева

№ 2. Палеолит и неолит СССР

Выпуск второго тома «Материалов» совпал с тяжелым годом—началом Отечественной войны. Сборник не успел выйти в свет и только по окончании войны, пережив блокаду Ленинграда, поступил в продажу в 1945 г.

Содержание тома разнообразно и интересно.

Публикуемый В. А. Городцовым материал («Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки», стр. 7—25, с 5 табл. и 9 рис. в тексте) из его раскопок принадлежит памятнику, возраст которого вызвал большие разногласия среди исследователей. Причина этого кроется в недостаточно выясненной морфологии русского кремня. Появление таких орудий, как остроконечники с ретушью на обоих концах и резцы, а также призматических нуклеусов, В. А. Городцов рассматривает как признаки солиютрейской эпохи. Между тем в аналогичных материалах Франции и Палестины, датируемых мустьерской эпохой, можно уже отметить указанного типа орудия и нуклеусы. Это и дает основание датировать Ильскую стоянку позднемустьерским временем.

Две статьи П. И. Борисковского—«Палеолитическая стоянка Боршево (нижний культурный слой)» (стр. 37—60, с 9 табл. и 5 рис. в тексте) и «Кирилловская палеолитическая стоянка» (стр. 86—103, с 8 табл.) представляют собою публикации материалов, известных по предшествующим изданиям этих памятников. Первая из них дает наиболее полное издание Боршева II, не только по раскопкам автора, но и по дневниковым данным П. П. Ефименко, производившего раскопки этой стоянки в тече-

ние ряда лет. Боршево II относится к числу редких и ценных памятников—многослойных стоянок, являющихся бесспорной базой для установления относительной хронологии.

Автор, не ограничиваясь одним описанием орудий, путем наблюдений над сработанностью их и с помощью этнографических данных дает достаточно убедительное определение назначения орудий.

Анализируя инвентарь, автор уточняет датировку стоянки, определяя время ее существования средним мадленом.

Кирилловская стоянка открыта более полувека назад, и с тех пор возраст ее много раз служил темой обсуждения не только в России, но и в Западной Европе. На основании анализа кремневого инвентаря П. И. Борисковский склонен отнести верхний горизонт, в отличие от П. П. Ефименко, к раннему мадлену. Однако начавшаяся геометризация формы орудий, отмечаемая в верхнем горизонте, служит несомненным признаком начала новой техники обработки кремня, что дает основание для датировки этого горизонта не ранее конца мадлена.

Обстоятельный отчет Г. П. Сосновского—«Палеолитическая стоянка у с. Сrostки на р. Катвни» (стр. 109—125, с 9 рис. в тексте и 3 табл.), страдает существенным недостатком: в нем отсутствуют профили раскопок, по которым можно было бы представить общую картину поселения с кострищами, расположенными на разном уровне. Между тем автор придает особое значение этому явлению, заключая на этом основании о подвижном образе жизни охотников стоянки, характеризующем конец палеолитической эпохи.

Анализ кремневого инвентаря приводит автора к констатированию полного сходства с инвентарем мадленских стоянок Сибири. Это все же не дает основания для уверенной датировки стоянки. Свообразие сибирского палеолита, отличающегося от западного сохранением архаичных форм орудий до самого конца палеолитической эпохи, затрудняет использование в целях датировки данных разработанной морфологии западного кремня.

Краткий отчет С. Н. Вибикова «Раскопки Усть-Катовской костеносной пещеры и археологическое обследование побережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав южный Урал» (стр. 61—64, с 2 рис. в тексте) интересен в том отношении, что демонстрирует правильность методики исследования автора, обнаружившего в результате ряда наблюдений следы палеолитических стоянок.

Исключительно интересным является открытие О. Н. Бадера в Мелитопольском районе («Древние изображения на потолках гротов в Приазовье», стр. 126—139, с 11 рис. в тексте и 6 табл.). Стилистический анализ изображений дает основание датировать приазовские рисунки позднепалеолитическим временем.

В дальнейшем необходимо будет уточнить дату, подразделив изображения на две группы: 1) геометрические рисунки, которые можно рассматривать как начало геометрической орнаментики (связанной с символикой), получившей развитие в неолите; 2) «реалистические» изображения животных, обнаруживающие большую связь с искусством палеолита.

Ряд статей сборника посвящен публикации отдельных находок. К наиболее интересным прежде всего относятся «гигантолиты», найденные И. Т. Пидопличной («Кремневые «гигантолиты» из Новгород-Северска», стр. 26—36, с 7 табл. и 2 рис. в тексте), представляющие собою уникальные находки. По условиям местонахождения они датируются верхним палеолитом. Автор трактует их как ударные орудия и предполагает употребление их с рукоятью. Размер «гигантолитов», достигающий до 45,4 см в длину, и их вес—до 8,25 кг—заставляет отнести их критически к определению автора. Как известно, самыми массивными каменными орудиями в палеолите являются ручные ударники (*coup de poing*), которые намного уступают по величине и весу «гигантолитам» и, по общепринятому мнению, употреблялись без рукояти. Незвестны орудия, подобные «гигантолитам», и в неолите. Можно лишь указать на находки в северной Германии, представляющие полированные клиновидные орудия с просверленным отверстием, которые возможно сблизать с «гигантолитами» только по размеру. Интерпре-

тируются они как сошники. Вторым примером может послужить находка в Китае двух орудий листовидной формы, тоже большого размера, определяемых как земледельческие орудия. Оба примера не проливают света на назначение «гигантолитов», и вопрос о том—орудия ли это или нет—остается не разрешенным.

К числу интереснейших находок принадлежит также публикуемая А. П. Окладниковым статуэтка («Палеолитическая статуэтка из Бурети», стр. 104—108, с 2 рис. в тексте), известная читателю по отчету автора, изданному в «Сов. Арх.», т. 6. Наряду с мальгинскими эта статуэтка характеризует своеобразие сибирской палеолитической скульптуры. Любопытна трактовка орнамента статуэтки, изображающего, по мнению В. И. Громова, с которым согласен и автор, тигровую шкуру. А. П. Окладников с присущей ему убедительностью подтверждает свои заключения этнографическими примерами. В данном случае он сравнивает одежду статуэтки с меховой одеждой арктических племен, в виде комбинезона с капюшоном.

В небольшой заметке—«Обиспользовании улиток в позднепалеолитическое время» (стр. 140—141, с 2 рис. в тексте) С. Н. Бибинов высказал довольно убедительные соображения о способе приготовления улиток в пищу—в особых ямах, в которых они были найдены вместе с угольками. Все же не исключена возможность, что раковины *Helix*, заполняющие ямы, представляют собою запас пищи, так как присутствие угольков наблюдается не только в очажных ямах, но и в обычном культурном наслоении.

Работа М. М. Герасимова—«Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта» (стр. 65—68, с 14 рис. в тексте) является первой попыткой восстановления процесса обработки кости в палеолитическую эпоху. На основании тонкого анализа сохранившихся на поверхности кости следов от работы орудиями автор детально реконструирует весь технологический процесс обработки и убедительно подтверждает свои заключения этнографическими примерами и экспериментальными данными.

Статьи М. В. Воеводского—«Стоянка Гремячее» (стр. 142—148, с 2 рис. в тексте и 3 табл.) и М. З. Панискиной—«Мезолитическая стоянка Борки» (стр. 149—157, с 3 табл.), объединены одной темой, посвященной мезолиту, наименее исследованной эпохе каменного века на территории СССР. Судя по типичным формам орудий и технике обработки кремня, правильность отнесения обеих стоянок к мезолитической эпохе несомненна. Но, принимая во внимание, что не только в этих памятниках, но и во всех остальных, относящихся к лесному мезолиту, мы не имеем стратиграфически выделенного комплекса, нет уверенности в правильности ограничения его определенного типа орудиями. Возможны местные особенности, которые трудно предугадать, поэтому желательно исследование мезолитических стоянок, в которых бы наблюдалось четкое разделение ранних и поздних культурных наслоений.

Статьей Б. Ф. Землякова—«О древнейших следах человека в окрестностях Ленинграда» (стоянка у ст. Разлив, Приморской ж. д., стр. 158—168, с 3 рис. в тексте и 5 табл.) начинается второй раздел сборника—по неолиту. Характеризуя стоянку, автор относит ее по ряду признаков (отсутствию керамики, морфологии кремневых орудий, а также по геологическим данным) к IV тысячелетию до н. э. Принимая во внимание разногласие автора с К. К. Марковым в геологической датировке, мы присоединяемся к мнению Гьессинга, что основой датировки может служить только археологический материал. Но кремневый материал стоянки Разлив мало выразителен. Необходимо продолжить исследование названного памятника, прежде чем формулировать окончательный вывод.

В публикации Н. Н. Туриной—«Орудия Вознесенской стоянки» (стр. 169—181, с 5 рис. в тексте и 5 табл.) высказываются интересные соображения в связи с интерпретацией орудий и техники их изготовления, но с некоторыми из них нельзя согласиться. Так, например, кремневый предмет, определяемый как рыболовный крючок, лишен самого необходимого—заостренного конца, наблюдаемого на всех орудиях этого вида; между топорами и теслами не проведено отчетливого разграничения. Главное различие их заключается в профиле, что отмечает и автор, между тем орудие с ярко выраженным асимметричным профилем (табл. II, 6), характеризующим тесло, определяется как топор.

Исследователями неолита также было уделено внимание выяснению назначения археологических предметов. А. П. Окладников в статье «К вопросу о назначении каменных рыб из Сибири» (стр. 193—202, с 4 рис. в тексте и 2 табл.) выступает во второй раз с темой о каменных рыбах: в «Сов. Арх.», № 1 он анализирует их изображение с точки зрения неолитического искусства Сибири. В этой статье выясняется назначение каменных рыб. Автор связывает их с охотничье-рыболовческим инвентарем, трактуя их как приманку рыб, что убедительно доказывает многочисленным рядом этнографических аналогий, а также литературными указаниями. Интерпретация его не вызывает никакого сомнения.

Статья М. Фосс и Л. Ельницкого—«О добычании камня и о древнейших каменно-ломных орудиях на севере Восточной Европы» (стр. 182—192, с 5 рис. в тексте) посвящена расшифровке назначения каменных орудий киркообразной формы, распространение которых связывается с территорией Карельской ССР в эпоху неолита. Авторы определяют их как универсальные землекопные орудия, применявшиеся и для выкапывания каменных пород, из которых изготовлялся производственный инвентарь.

С. А. Сменов положил начало изучению палеолитических кремневых орудий с точки зрения их назначения по следам, оставшимся на них от упогребления. В статье—«Следы употребления на неолитических орудиях из ангарских погребений» (стр. 203—211, с 25 рис. в тексте) автор, пользуясь своим методом, определяет ряд неолитических орудий. Кроме того, указывая на заполорванность и штриховку на рабочей части орудий, он восстанавливает ряд моментов—положение орудия в процессе работы, характер действия, направление движения, что определяет с полной очевидностью функцию орудий. Убедительны и соображения автора о мягкости или твердости обрабатываемого материала.

В публикации М. Е. Фосс—«Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье» (стр. 212—235, с 7 табл. и 1 рис. в тексте), представляющей несколько измененную часть работы, изданной в «Тр. Гос. истор. муз.», выш. VIII, также затронуты вопросы о выяснении назначения предметов. В частности, следует отметить, что в разделе обработки кости и рога автор, независимо от М. М. Герасимова, работавшего над палеолитическим материалом (см. его статью в этом же сборнике), приходит к одинаковым с ним выводам, что может послужить признаком правильности наблюдений и заключений обоих авторов, как бы контролирующих друг друга.

Отчет П. А. Дмитриева—«Землянки на зауральских стоянках» (стр. 236—244, с 11 рис. в тексте) отличается тщательностью наблюдений и интересен в отношении методики раскопок. Проведение длинной узкой траншеи (черт. 2), пересекающей всю стоянку, несомненно, имело целью не только выяснение стратиграфии, но и обнаружение землянок. Очертания их в плане обычно едва заметны, иногда совсем неуловимы, и, начиная раскопки вскрытием большой площади по квадратам, исследователь рискует пропустить такие «сюжеты», как землянки, очажные ямы и т. п. Землянки, открытые автором, являются первыми в районе восточного Урала.

Е. Кричевский («О процессе исчезновения трипольской культуры», стр. 245—253) рассматривает ряд стоянок, отличающихся от обычного типа трипольских поселений устройством жилищ в виде землянок, многочисленностью костных остатков животных, значительным увеличением количества кремневых орудий, а также «разносортичностью» керамики, и приходит к правильному выводу, что это — памятник последней стадии развития трипольской культуры. К сожалению, автором для доказательства выдвигаемого положения не показана генетическая связь поздних стоянок с предшествующими. Обращает также внимание изменение, отмечаемое автором в кремневом инвентаре,—развитие техники и количественное его увеличение. Чем вызван такой внезапный расцвет кремня в последней стадии культуры, сопровождаемой с ранней стадии медью и бронзой и отличающейся на всем протяжении незначительной ролью кремня? Объяснение этого явления усилением охоты и ростом скотоводства совершенно не удовлетворяет, так как в аналогичных памятниках наблюдается противоположное, вполне закономерное явление—вытеснение камня бронзой.

Публикуемый указатель П. П. Ефименко и И. А. Береговой «Палеолитические местонахождения СССР» (стр. 254—292) представляет ценную работу и является первым исчерпывающим указателем открытых на территории СССР палеолитических местонахождений. Каждый памятник сопровождается сжатой характеристикой и библиографическими указаниями. Следует подчеркнуть, что, за исключением очень незначительного количества, все поименованные местонахождения были открыты в советский период. Таким образом, указатель является как бы подведением итогов работы советских исследователей по палеолиту.

М. Е. Фосс

**№ 4. Археологические памятники Боспора и Херсонеса;
под редакцией акад. С. А. Жебелева и В. Ф. Гайдукевича**

Выпуск содержит отчеты о раскопках и научных исследованиях, связанных с Боспором и Херсонесом, вследствие чего весь материал распределен на две части.

Первая, наиболее обширная часть—Боспор, включает в себя отчеты о раскопках древней Дии—Тиритаки и ее некрополя за 1932—34 гг. и Мирмекия за 1934 г. В связи с проведенными раскопками публикуются исследования В. Ф. Гайдукевича «О местоположении древней Тиритаки» и академика С. А. Жебелева «Откуда ведет свое происхождение название Мирмекий»; опубликован обработанный А. Н. Зографом нумизматический материал раскопок, а также материал керамической эпиграфики, обработанной Е. М. Придином; Незаконченный труд Е. М. Придика, как сообщает редакция, завершен Б. Н. Граковым.

Вторая часть посвящена раскопкам Херсонеса за 1931—1933 гг., нумизматический материал которых обработан и издан Л. Н. Беловой-Кудь.

Раскопки на Боспоре Мирмекия и Дии—Тиритаки с ее некрополем представляют особый интерес, являясь впервые научно-поставленными планомерными раскопками этих городищ, положившими начало дальнейшим многолетним работам. Результаты раскопок 1932—34 гг. имеют не только локальное значение, но представляют огромный интерес для изучения культуры Боспора в целом и в частности для исследования центра европейского Боспора—древнего Пантикапея.

Отчет Ю. Ю. Марти «Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн» представляет собой, строго говоря, не отчет о раскопках, как он обозначен, но описание архитектурного комплекса на участках I и II. Комплекс этот включает часть городской оборонительной стены эллинистического времени с остатками трех башен. С внутренней стороны города непосредственно к стене примыкает обширный комплекс рыбозасолочных ванн, колодезь и специальные площадки производственного назначения. Этот комплекс относится к римскому времени от I до III—IV вв. н. э.

Комплекс рыбозасолочных ванн в Тиритаке является наиболее обширным из открытых на Боспоре; менее значительные остатки подобных ванн были в последующие годы обнаружены в Мирмекии, Фанагории и в самом Пантикапее, что свидетельствует о большом рыбном промысле на Боспоре.

Ценным дополнением к публикуемому архитектурному комплексу является исследование ихтиолога В. Ю. Марти, установившего сорта рыбы, обнаруженные в ваннах, среди которых видное место занимает сельдь, являющаяся основным рыбным продуктом Керченского промысла в наши дни.

К сожалению, стратиграфия слоев, повидимому, не была прослежена достаточно тщательно, и ее характеристика ограничивается обозначением: эллинистический или